

Образование варварских государств. Центральная власть и местное управление. Процесс феодализации в государстве франков. Разложение рода и общины. Образование крупной земельной собственности. Закрепление свободных. Организация поместного хозяйства, его замкнутый натуральный характер. Внешний вид поместья: барская усадьба и крепостная деревня. Техника сельского хозяйства. Признаки хозяйственного прогресса.

С начала V в. римская государственная власть вынуждена была беспомощно смотреть на то, как варвары хозяйничают на территории Западной империи. Вестготы захватывают Испанию и часть Южной Галлии. Вандалы и аланы, вытесненные вестготами из Испании, где они, было, поселились, завладевают римскими провинциями в Африке. Бургунды занимают юго-восточную Галлию, франки и аламаны — северо-восточную. С середины V в. племена англов, саксов, ютов и фризов наводняют Британию, оставленную римскими легионами. Италия оказывается во власти сначала разноплеменной группы варваров — военных наемников Империи, которые ликвидировали даже титул императора на Западе (476), затем — остготов, наконец — лангобардов (с 568 г.). Однако из всех государств, созданных варварами на этих землях, единственно устойчивым оказалось королевство франков.

Франки образовались из союза нескольких мелких германских племен. В V в. они распались на две группы: франков салических и рипуарских, живших в нынешней Бельгии и по Нижнему Рейну. В 486 г. они, во главе со своим королем Хлодвигом, завладевают северо-востоком Галлии, затем разбивают аламанов и вестготов и захватывают большую часть всей Галлии. В 496 г. Хлодвиг, чтобы обеспечить себе поддержку влиятельных галло-римских епископов, принимает со своей дружиной христианство по римско-католическому обряду. При его сыновьях было присоединено королевство бургундов; господство франков начинает распространяться также за Рейном, в Германии, где к этому времени существовали союзы племен — саксов, баваров, тюрингов, еще не превратившиеся в государства. Таким образом возникло могущественное королевство франков, во главе которого до середины VIII в. стояла семья Меровингов, потомков Хлодвига. Поэтому VI—VII столетия обычно называются эпохой Меровингов.

Установление господства франков в Галлии окончательно ликвидировало здесь власть крупных галло-римских рабовладельцев. Аппарат римской государственной власти был в основном уничтожен: исчезли римские административные и судебные учреждения, пришла в упадок римская налоговая система, римское право вытесняется варварским правом, которое было впервые записано (на народном латинском языке) при Хлодвиге и дошло до нас под названием «Закона салических франков», или «Салической Правды»¹. Страна была разбита на новые военно-административные округа, управление которыми было поручено королевским слугам — графам.

Власть короля у франков, как и у всех варваров, после завоевания сильно возросла. Из вождя племени, вынужденного считаться с родоплеменной знатью и народным собранием, король превратился в самовластного повелителя страны, которую он по произволу делил между сыновьями, рассматривая ее как свою собственность. Знатные семьи франков были предельски уничтожены еще самим Хлодвигом; от народного собрания остались только ежегодные военные смотры. Церковь, получившая от

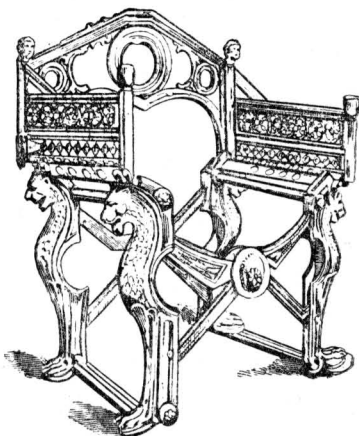
¹ Позже появляются другие варварские «правды»: Аламандская, Бургундская, Баварская и пр.

Меровингов огромные земельные пожалования, всячески содействовала возвышению королевской власти. Она перенесла на варварского короля те понятия единой государственной власти, которые существовали в Римской империи. Епископы, выходцы из галло-римской аристократии, вместе с ближайшими слугами и дружинниками короля образовали вокруг него новый слой правящей аристократии. Эта аристократия, частью военная, частью церковная, постепенно превращается в класс крупных землевладельцев, так как в ее распоряжение через руки короля переходит основная масса земельных богатств страны.

Насколько возвысилась власть короля, настолько же упало значение простых свободных франков. Этому содействовало прежде всего разложение родового союза. При завоевании, как отмечает Энгельс, роды перемешивались и родовые связи нарушались. Салическая Правда разрешает каждому свободный выход из родового союза. Экономическое неравенство внутри рода усилилось, и для наиболее материально обеспеченных его членов пребывание в роде утрачивало смысл. Род все меньше охранял от произвола короля и его слуг. Круговая порука при уплате штрафа (вергельда) за правонарушение, совершенное одним из родичей, разоряла весь род. За убийство свободного франка, согласно Салической Правде, нужно было платить 200 коров; за повреждение глаза, ушей, носа, ноги — 100 коров; за каждый нанесенный удар — корову; за оскорбление словами — 3—6 коров.

Однако с выходом из рода человек утрачивал ту защиту своей жизни и имущества, которой он пользовался раньше. Варварское государство этой защиты не оказывало. Оно предоставляло обиженному или его близким самим искать управы в суде на обидчика, заботясь только о том, чтобы из присужденного вергельда одна треть досталась королю и его графу. Обеспечить себе относительную безопасность можно было только отдавшись под покровительство могущественного лица — епископа, графа, крупного землевладельца, королевского слуги и даже самого короля, признав его своим «сеньером» (старшим) и став его «вассалом» (слугою). Тем самым свободный человек превращался в зависимого, вынужденного платить своим трудом и частью доходов своего хозяйства за покровительство. Зависимым становился не только он сам и члены его семьи со всем их потомством, но и его имущество, особенно земельное. Впоследствии, когда положение таких зависимых еще более ухудшается и они растворяются в массе галло-римских колоннов и рабов (сервов), слово «вассал» начинают применять только к одной категории зависимых, обязанных сеньору «благородной», главным образом военной службой.

В связи с разложением рода стоит распадение варварской сельской общины (марки) и выделение из нее земельных собственников. Община с самого начала имела значение лишь в тех частях Империи, где варвары селились густо. Но и там влияние римской земельной собственности, частично уцелевшей при завоеваниях, действовало на общину разлагающе. Представители новой служилой знати выделяются из общины; король и его графы захватывают общинные земли; лицо, имеющее на то королевскую грамоту, может, как это видно уже из Салической Правды, безнаказанно поселиться на земле общины, хотя бы последняя протестовала против внедрения чужака. После

Трон меровингского короля Дагоберта VII

Крепостные VII—IX вв., приносящие клятву верности

она рано или поздно из свободной крепостную общину.

Особенно быстро пошел этот процесс при второй династии франкских королей — при Каролингах (VIII—X вв.). Каролинги принадлежали к наиболее могущественной землевладельческой знати Восточной Галлии. На службе меровингским королям в качестве их майордомов (управителей королевского имущества и своего рода первых министров) они награбили множество земель и приобрели большое количество вассалов. В 715 г. один из Каролингов, Пипин Короткий, отец и дед которого фактически правили всем Франкским государством, провозгласил себя королем. Его сын, Карл Великий, завоеваниями утвердивший власть франков в Германии, части Испании и Италии, был в 800 г. коронован в Риме императорской короной. Период наибольшего могущества этой династии— VIII—IX столетия — носит название каролингской эпохи.

При Каролингах мелкие свободные собственники были окончательно разорены и почти сплошь превратились в зависимых или крепостных. Их земли были поглощены монастырями, епископами, светскими магнатами, непрерывно увеличивавшими и округлявшими свои владения. Каролингское законодательство, отражая интересы земельной аристократии, либо содействовало этому процессу, либо не препятствовало ему. Законы IX в. даже предписывали всем свободным обязательно найти себе сеньера. Таким образом, хотя в документах этой эпохи еще сохраняется для одной категории крестьян термин «свободный», фактически и они были обязаны службами и повинностями своим сеньерам, сливаясь с колонами и посаженными на землю рабами в один класс феодального закрепощенного крестьянства. В каролингскую эпоху повинности и платежи «свободных» быстро возрастают, приближаясь по объему и характеру к повинностям крепостных рабского происхождения (сервов). Многочисленные попытки крестьян остановить восстаниями процесс закрепощения жестоко подавлялись. Крестьян мало-помалу перестают привлекать и к военной службе.

Крещение. Рисунок из рукописи IX в.

смерти общинника его земельный участок уже не возвращался в общину, а, согласно закону одного из королей VI в., переходил по наследству к какому-нибудь ближайшему родственнику. Таким образом, одни общины совсем распались и из них выделился ряд мелких земельных собственников, другие, имея в своем составе сильных людей, попадали к ним в полную зависимость. Там, где община сохранялась, превращалась в зависимую или

Вооружение франкского воина, равное по стоимости 45 коровам, было им совершенно недоступно. Военная деятельность становится привилегией крупных землевладельцев и их военных слуг, вассалов, которые либо жили у своего сеньера, кормились и вооружались за его счет, либо были обеспечены земельными пожалованиями, бенефициями. Варварское общество распадается, таким образом, на два основных

класса: эксплуататорский военно-землевладельческий класс феодалов и эксплуатируемую массу крепостного и зависимого крестьянства. В течение IX в. бенефиции и связанные с ними службы и доходы — независимо от того, предоставлялись ли они королем или частными магнатами — становятся наследственными. Передаваемый в наследство бенефиций получает название *феод*, откуда весь возникший таким образом порядок называется феодализмом, а обрисованный выше процесс его развития — процессом феодализации.

Жертвою этого процесса, помимо свободного крестьянства, сделалась в известном смысле и сама королевская власть. Вассалы короля, его графы, герцоги и другие «слуги», обращая свои должности и связанные с ними бенефиции в наследственные феоды, расхищают королевский земельный фонд и функции государственной власти. Король становится к X в. бессильным. Владельцы крупных феодов и правители областей превращаются в самостоятельных государей, формально признававших короля своим сеньером и обязанных ему вассальной присягой (оммаж); но этим в большинстве случаев дело и ограничивалось.

Но и сами крупные феодалы оказались в конечном итоге жертвами процесса феодализации, поскольку они были вынуждены, подобно королям, раздавать земли и доходы за военную и гражданскую службу. У них были, иными словами, свои вассалы, также стремившиеся к самостоятельности и захватывавшие наследственно часть государственных функций, доходов и земель. На этом процесс дробления не остановился: он шел все дальше и глубже, создавая ряд ступеней вассалов, возвышающихся одна над другою. Так возникла в X—XI вв. феодальная лестница, или феодальная иерархия, на вершине которой стоял король; любой феодал являлся одновременно вассалом вышестоящего и сеньером нижестоящего феодала. Раздроблением центральной власти и образованием феодальной иерархии завершается процесс феодализации в Западной Европе.

Наиболее полно и последовательно все это развитие осуществилось на территории Галлии, нынешней Франции, которую поэтому основоположники марксизма считали «образцовой» страной феодализма. В других странах (Германия, Италия, англо-саксонские королевства Британии) оно шло либо более медленными темпами, либо более сложным путем.

В основе феодального строя лежит крупное землевладение. Каролингам принадлежало свыше 300 поместий в одной Италии, 320 поместий в Баварии, Аламании, Тюрингии; общая площадь их владений исчислялась в IX в. сотнями тысяч гектаров. Земельные богатства короля имели своим источником захват и конфискации при завоеваниях, присвоение лесов и пустошей, принадлежавших общинам и целым племенам, наконец, выморочные имущества. Еще более внушительным было церковно-монастырское землевладение, которое составилось в течение столетий из королевских дарений, добровольных или вынужденных пожертвований частных лиц и, особенно, из земель, захваченных силою или обманом у мелких собственников. Знаменитое аббатство Сен-Жермен де Пре близ Парижа владело площадью в 150 тыс. га; Сен-Галленский монастырь в Швейцарии — 80 тыс.; монастырь св. Вандрилла близ г. Руана был собственником 4 824 поместий; Прюмское аббатство в Германии — 119 деревень, 2 тыс. усадеб, 2 больших лесов; монастырь св. Мартина Турского во Франции имел свыше 20 тыс. крепостных и т. д. Наконец, крупное светское землевладение возникло путем захватов и насилий над общинами и мелкими землевладельцами, а

Франкский воин

Бенедиктинский монах. С миниатюры VII в.

также расхищения государственного или королевского имущества.

Крупное землевладение было организовано в виде обширных поместий, причем нередко эти поместья состояли из большого числа отдельных участков, разбросанных в различных округах (графствах), но подчиненных единому центру эксплуатации — господскому двору, или господской усадьбе. В Галлии, где для крупного поместья существовали уже готовые рамки в виде римской виллы, разбросанный характер поместья выражен менее ярко, чем в Германии, и для светского землевладения эта особенность менее характерна, чем для церковного. Размеры поместья сильно выросли по сравнению с римскими временами. Если римская вилла в Галлии занимала площадь примерно в 900 га, то меровингское поместье насчитывало от 1800 до 2600 га. Зато площадь обрабатываемой земли была значительно меньшей, так как значительная часть поместья состояла из лесов и пустошей. Например, в обширных владениях упоминавшегося выше Сен-Жерменского аббатства под обработкой находилась едва шестая часть всей земли.

В каждом поместье используемая земля распадалась на две неравные части: меньшая составляла господскую землю, домен, обрабатываемый трудом рабов, крепостных и зависимых крестьян; большая была предоставлена надельным крестьянам различных категорий.

Центром домена являлся господский двор, или усадьба. Здесь рядом с жилыми помещениями были расположены многочисленные хозяйственные постройки: кухни, кладовые, амбары, хлевы, конюшни, мастерские и т. д. Неумение воздвигать сложные здания приводило к тому, что даже самые необходимые службы не составляли части главного дома, а выделялись в особые строения. Вся усадьба, не исключая господского дома, была деревянной и обнесена таким же забором. Каменные дворцы-крепости римских аристократов, за немногими исключениями, были разрушены, а варвары ни обрабатывать камень, ни строить из камня не умели. Даже церкви воздвигались в эту эпоху главным образом из дерева. Для немногих каменных построек приходилось приглашать каменщиков из Италии. Однако при Карле Великом уже появляются дома, в которых хотя бы одна часть, именно та, где находился очаг («камин»), облицовывалась камнем. Отсюда единственное отапливаемое помещение в доме получило название «камината» — наша «комната».

В такой усадьбе проживал крупный землевладелец в окружении своих военных слуг и многочисленной дворни. Обычно ему принадлежало несколько поместий, и он со своей свитой переезжал с места на место, потребляя запасы, собранные его управляющим в каждой усадьбе. В этом отношении король ничем не отличался от любого крупного землевладельца. Королевский двор по необходимости был странствующим, так как подвозить продукты из отдаленных поместий в один центр было, по условиям дорог и транспорта, гораздо труднее, чем перебрасывать королевский двор на место производства продуктов.

Господская земля, состоявшая из пахотного поля, луга, виноградников и леса, не лежала в одном куске, а была разбросана участками среди крестьянских владений. Для возделывания этой земли крестьяне обязаны были отдавать значительную часть своего рабочего времени, в среднем три дня в неделю, а также свой инвентарь и рабочий скот. Крестьяне, зависевшие от Прюмского монастыря (Германия), тратили на обработку господской земли в общей сложности 70 тыс. дней в году и давали свыше 4 тыс. подвод для доставки хлеба и других продуктов монахам. Таким

образом, используя барщинный труд крестьян и их инвентарь на своем домене, сеньер получал значительную часть необходимых ему продуктов. Монастырь Боббио в Италии извлекал в IX в. из домена 2 100 четвериков хлеба, 2 800 фунтов растительного масла, 1 600 возов сена, не считая продуктов своего молочного хозяйства, животноводства и рыболовства. При господской усадьбе находились огородники, свинопасы, рыболовы, пастухи и другие сельскохозяйственные рабочие, принадлежавшие к низшей, т. е. не имевшей своих наделов, категории сервов; под контролем сеньериальных служащих они выполняли те работы, которые нельзя было доверить крепостным, жившим самостоятельными хозяйствами.

При усадьбе были организованы службы и мастерские, где продукты сельского хозяйства подвергались обработке: изготавливали сыр, варили пиво, приготавливали вино, выпекали хлеб. Существовали и кузницы, где производилось оружие, инвентарь и утварь для господского хозяйства, и женские «светлицы», обычно в подвальном помещении, где дворовые девушки и жены надельных крепостных производили холст и шерстяные ткани. Ткани здесь же окрашивались, для чего служили растения (вайда, крапа), произраставшие на земле домена.

Хозяйство сеньера было тесно связано с хозяйствами крепостных и зависимых крестьян. Последние не только обеспечивали своим барщинным трудом, своим транспортом и инвентарем основные сельскохозяйственные работы, но и доставляли на барский двор в виде натуральных оброков продукты своих собственных хозяйств: хлеб в зерне, яйца, птицу, лен и шерсть, а в лесистых местностях — и различные изделия из дерева.

Таким образом, крупное поместное хозяйство производило на господской или крестьянской земле все необходимое для потребностей сеньера и его свиты. В VI—X вв. даже крупные землевладельцы, включая и самого короля, не только питались, но и одевались, обувались, снаряжались в походы и т. д., не прибегая в основном ни к помощи рынка, ни к найму рабочей силы. Изредка приобретались такие продукты, как соль или железо, еще реже — предметы роскоши, привезенные заморским купцом. Если образовывались излишки вина, хлеба и т. п., их продавали на сторону, точнее выменивали на другие продукты или на скот. Этим и ограничивались экономические связи сеньериального хозяйства с внешним миром.

Такое хозяйство характеризуется как замкнутое и натуральное. Оно было господствующим в Западной Европе в течение всего раннего средневековья.

Еще меньше были связаны с внешним рынком крестьянские хозяйства. Все свои скудные потребности крепостной крестьянин удовлетворял с помощью своего труда и своей семьи. Для труда на себя у него уже оставалось некоторое количество времени, что было несомненным прогрессом по сравнению с эпохой рабовладельческой эксплуатации. Он трудился не один, а со своей семьей. У него было побуждение трудиться упорнее, так как сеньеру не всегда удавалось отбирать у него весь избыточный продукт его труда. Произвол сеньера и тяжесть сеньериальной эксплуатации можно было сносить несколько легче, чем при рабстве, ибо теперь крестьянин противостоял господину

Карл Великий.
Бронзовая статуэтка

не один, а как член целого коллектива. Этим коллективом была крепостная деревня, являвшаяся обычно и общиной.

Большая родовая деревня-община варваров теперь распалась на ряд деревушек, разбросанных по всей территории поместья. Но часто попадаются, особенно в германских странах, и крупные деревни, вытянувшиеся вдоль дороги, а также изолированные крестьянские дворы. В VIII—IX вв. возникает много мелких деревень среди лесов, которые подвергаются расчистке и обращаются в возделанные земли усилиями крестьян-колонистов, так называемых госпитов. В качестве организаторов массовых расчисток леса под пашню чаще всего выступали монастыри, которые стремились таким путем сделать доходными захваченные ими «дикие» земли. Деревня состояла из землянок или убогих хижин-«мазанок», сделанных из ветвей, обмазанных глиной, либо из глины пополам с соломой; реже встречались избы, срубленные из дерева. Жилища крестьян мало улучшились по сравнению с теми, в которых жили варвары до вторжения в Империю. Внутреннее убранство также почти не изменилось: стол, грубо сколоченные скамьи, солома вместо постелей. Здесь, в единственном помещении, отапливаемом и освещаемом дымным очагом, в ближайшем соседстве со скотом, в самых антисанитарных условиях жила вся крестьянская семья.

Относительно наилучшим было положение полнонаделных крестьян. Полный надел (манс, гуфа), заключавший в себе участки поля, луга, виноградника, право выпаса скота на пастбище и пользования лесом, представлял в совокупности площадь от 5 до 30 га. Однако в IX в. на одном наделе нередко сидели два, три и даже более семейств. Существовали также половинные и еще более дробные доли надела. Крестьянский надел состоял из мелких участков (до 50—60), лежавших чересполосно с участками других крестьян и самого помещика. Деревня община наделяла своих членов участками, раскинутыми по всему полю, чтобы обеспечить не только количественное, но и качественное равенство каждого надела. Эта система сохранилась и в крепостной общине; только периодические переделы земли, ранее имевшие место, прекратились: манс, гуфа превратились в индивидуальные владения, передаваемые по наследству и нередко в связи с этим подвергавшиеся дроблению. Однако лес, выгоны, пастбища оставались попрежнему в нераздельном пользовании всех членов общины, включая и помещика.

Чересполосица обуславливала принудительный севооборот. После снятия урожая все поле обращалось в пастбище; следовательно, все хозяйства — и помещичье, в том числе — были вынуждены сеять и снимать хлеб в одно время, чтобы необрушенный участок не был отравлен скотом. В таких условиях полевое хозяйство могло улучшаться лишь очень медленно и с большим трудом. Правда, переложная система, некогда господствовавшая у варваров, уступила место двухполью, при котором половина пахотной земли оставляется только на год под паром, а монастыри, являвшиеся в то время передовиками сельского хозяйства, начинают вводить и трехполье. Но техника обработки, если не считать более широкого применения удобрений, изменилась довольно мало. Деревянная соха, борона, мотыга, коса, серп и лопата составляли весь скудный инвентарь крестьянского и даже помещичьего хозяйства. В одном поместье Карла Великого этот инвентарь состоял из двух лопат, двух мотыг, одного топора, бурава и струга. Орудия и инструменты, имевшие железные части, были вообще очень редки, так как железо добывалось с большим трудом. Поэтому железный сошник имелся не во всяком хозяйстве; его, как сохровище, часто закапывали в землю. Во многих странах, особенно с тяжелыми почвами, несколько крестьянских хозяйств объединялись для совместной вспашки поля. В таких случаях орудием пахоты является

уже не соха, а тяжелый колесный плуг, запряженный двумя парами волов или быков.

Тем не менее, с VI по IX в. можно обнаружить заметный прогресс в сельском хозяйстве, обусловленный главным образом переходом от рабовладельческой к крепостнической форме эксплуатации. Зерновые культуры становятся гораздо более разнообразными, широко распространяются технические растения, виноградники, огороды и фруктовые сады, развивается скотоводство и птицеводство. При крупных поместьях появляются водяные мельницы, постепенно вытесняющие ручной помол зерна. Только не следует преувеличивать значение этого медленного прогресса. Условия существования для трудовых масс продолжали оставаться тяжелыми на всем протяжении этого периода. Почти не бывало года, чтобы в какой-нибудь области засуха, наводнения, нашествия грызунов, саранчи и других вредителей не уничтожали частично либо полностью посевов. Но и в благополучные годы урожай был очень низкий: сам-полтора, сам-два. При полном отсутствии запасов у крестьян и при почти полной разобщенности отдельных районов, голодовки были обычным явлением. Неизбежными спутниками голодных годов являлись эпидемии тифа, оспы, чумы, косившие главным образом трудовое население. Наконец, массы чрезвычайно страдали от кожных болезней, для которых антисанитарные условия жизни создавали самую благоприятную почву.

§ 3

Город и городское население в эпоху Меровингов и Каролингов. Монастыри, их роль как центров материальной и духовной культуры складывающегося феодального общества. Сен-галленский монастырь. Быт и нравы монастыря и окружающего мира. Ремесло и художественное ремесло. Строительная техника и архитектура. Торговля. Дороги и транспорт. Итоги роста материальной культуры.

В то время как поместья превращаются, как мы видели, в самодовлеющие ячейки экономической жизни, города, уцелевшие от разгрома V—VI вв., окончательно утрачивают значение торгово-промышленных центров. Объединения торговцев и ремесленников («коллегии») позднеимперской эпохи исчезают; императорские мастерские, или как их называли «мануфактуры», прекращают свою деятельность; городские рынки пустеют. Население городов падает до ничтожной цифры — 1000—1500 душ. Застроенная площадь города уменьшается по сравнению с римским временем в десятки раз. Разительным примером может служить город южной Галлии Арль, который весь уместается на площади амфитеатра древнеримского города. Значение городов как административно-политических центров также сходит на-нет. Варварские короли в большинстве случаев предпочитают жить не в городах, а в своих поместьях. Правда, город нередко является резиденцией графов и епископов, но последние, превращаясь в самостоятельных феодальных сеньеров, делят и его территорию, и его население между собой. При этом торговцы и ремесленники оказываются на положении крепостных (сервов), обязанных, подобно крестьянам, барщиной и оброками своим сеньерам. Горожане и по своим занятиям перестают резко отличаться от поместного крестьянства. Земледелие и скотоводство в их хозяйственной деятельности начинают играть значительную роль. Из описаний современников мы узнаем, что в пределах города находятся поля и огороды, что скот на ночь загоняется внутрь городских стен. Только в Италии и немногих пунктах на побережье Средиземного моря сохранились специфические черты городской жизни; в остальной Европе различие между городом и деревней стирается и вся экономика приобретает чисто аграрный характер.